

себя вида важности. Человеколюбие и патриотический дух составляли единую душу целого их ордена».<sup>35</sup>

Русские масоны встретили в «Путешествии добродетели» соответствующие их взглядам высказывания о бессмертии души, о необходимости нравственного совершенствования, о всемогуществе добродетели, о веротерпимости, о пользе науки и образования. В связи с этими вопросами Бериш останавливается и на проблеме идеального государя, остро волновавшей и русских писателей XVIII в. Немецкий автор считает, что истинно великий государь «тайных наушников презирает, а защищает тех, кои именем его учиненные злоупотребления обличают явно», «что государь не может иначе учиниться великим, как быв справедливым и благотворительным».<sup>36</sup> Подобный урок царям легко мог найти применение к русской действительности и послужить упреком Екатерине, окружавшей себя далеко не самыми достойными людьми. Подобный же смысл могло иметь в книге Бериша описание «наисовершеннейшего законодательства» Англии, «где и наипоследнейший из народа рассуждает, имея власть сообщать мысли свои <...>, где ученые не опасаются ни притеснения, ни изгнания; где все науки процветают и все художества награждаются, где торговля умножает дворянство».<sup>37</sup>

Таким образом, перевод «Путешествия добродетели» отражал определенную оппозиционность русских масонов по отношению к правительству, хотя эта оппозиционность имела довольно ограниченный, умеренный характер. Конечно, важно при этом учесть, что среди членов новиковского кружка не было полного единства ни в философских, ни в политических, ни в литературных воззрениях. Поэтому, говоря о переводе Кутузова, следует помнить, что речь идет об *одной* из точек зрения, а не о системе масонских взглядов в целом.

Соответственно нужно относиться и к литературной ориентации Бериша. В «Путешествии добродетели» неоднократно порицаются сочинения Вольтера, Руссо, Гельвеция и других французских просветителей. Им противопоставляются правоучительные произведения Геллерта, Дора, Ричардсона, встречаются ссылки на Мармонтеля, Филдинга и др. Особенно интересно высказывание о Геллерте: «Не в тысячу ли крат драгоценнее правоучение, подобное Геллертову, нежели целые книгохранилищницы, наполненные романами».<sup>38</sup>

Об уважении и интересе русских масонов к Геллерту свидетельствуют переводы из его сочинений, осуществленные А. А. Петровым и А. М. Кутузовым,<sup>39</sup> а также небольшая издательская заметка в «Утреннем свете», предвещающая перевод «Мекахефы».

<sup>35</sup> Утренний свет, 1778, ч. II, с. 250.

<sup>36</sup> Там же, ч. III, с. 215—216.

<sup>37</sup> Там же, с. 255.

<sup>38</sup> Там же, с. 199.

<sup>39</sup> Подробно о них говорится в указанной выше работе П. Бранга.